

Алексей Алкаш

**ИСПОВЕДЬ АЛКАША
НАД
ПРОПАСТЬЮ АДА**

честная история падения

Алексей Алкаш
Исповедь алкаша
над пропастью ада.
Честная история падения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28511607
ISBN 9785449015983*

Аннотация

Честная история о том, как человек может из «мажоров» превратиться в полное ничтожество. Это, по сути, история о том, что делает алкоголь с нормальными людьми. Это, конечно, и исповедь. Ведь когда исповедуешься перед людьми, хочешь, чтобы они не повторяли твоих ошибок.

Содержание

ГЛАВА 1. НАЧАЛО	5
ГЛАВА 2. ПРОДОЛЖЕНИЕ БАНКЕТА. ПЕРВЫЙ ПРИНОС	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Исповедь алкаша над пропастью ада Честная история падения

Алексей Алкаш

Вставай похмельная страна

Пропели петухи,

Настало время Бодуна – Расплата за грехи

Тимур Шаов.

© Алексей Алкаш, 2017

ISBN 978-5-4490-1598-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. НАЧАЛО

Точную дату, когда я первый раз в жизни надрался, пожалуй, не назову. Однако отлично помню: это случилось в седьмом классе. Стало быть, в 1973 году.

Москва. Зима. Морозы стояли трескучие, поэтому мы с ребятами, двумя друзьями-одноклассниками, Мишкой и Васькой, собрались у меня в квартире. Почему именно у меня? У одного приятеля сестра-студентка сидела дома над дипломом, у другого мать не работала и редко выходила на улицу. Мои же родители на работу ходили, и днём хата шла порожняком. И вот однажды для одного важного дела мы решили прогулять школу. «Важное дело» заключалось в попытке доказать друг другу, что мы уже взрослые. А одним из признаков взрослости тогда нам, четырнадцатилетним пацанам, казалась возможность употреблять алкоголь. Именно тот блекло-серый зимний день, когда я впервые взалкал, стал первым шагом к краю пропасти, на котором сейчас стою. Мне 52 года, 38 из них я постепенно, незаметно для себя, катился по склону, когда обильно, когда слегка, смазанному разного рода спиртосодержащими жидкостями. Пока ещё в моих силах сделать выбор: шагнуть вниз, в ад, или выкарабкаться... Итак, я выбираю... Что же выбрать, когда, при всём желании, на химическом уровне организм уже зажат тисками зависимости? Спасти может толь-

ко чудо...

Портвейн, а именно на него, как и у многих наших сверстников в 70-е, пал выбор. (Сегодняшние бойцы начинают с пива). Ну, в самом деле, не с водки же. Кто из поколения нынешних «полтинников» не помнит знаменитые «три топора» – портвейн 777, портвейн №13, «Кавказ», вермут «Солнцедар», разливаемый в бутылку емкостью 0,8, метко окрещённую народом «бомбой» и прочую плодово-выгодную гадость типа «Золотой осени»?

Естественно, четырнадцатилетним мальчишкам в строгие советские времена вина никто бы не продал. Но во дворе было полно знакомых пэтэушников, внешне тянувших на совершеннолетних и уже периодически припадавших к «упиваемой» чаше. Словом, «но мне не пьющему тогда еще попались пьющие товарищи, на вечеринках в их компании пропала молодость моя». Как сейчас помню, одного знакомого звали Сашка по кличке Рыжий, действительно ей соответствующего. Фамилию уже не помню. Мишкин сосед по подъезду. Он-то и был первым доброхотом, протянувшим «руку помощи» алкогольного братства трём малолетним несмышленишкам. Впоследствии Рыжий стал довольно частым нашим собутыльником в общих дворовых компаниях. Но не в тот раз.

Всё шло по плану. Утром я сделал вид, что иду в школу. Обогнул пятиэтажку, скрывшую мою юную фигуру от провожавшего меня иногда, на всякий случай, взгляда мамы из окна и стал наблюдать за своим подъездом из-за угла этой

самой пятиэтажки. Благо окна нашей квартиры выходили на одну сторону, а подъезд – на противоположную. Дождался, когда родители покинут пенаты, и вернулся домой. Потянулись минуты ожидания телефонного звонка от приятелей. Должны были звонить полдесятого. Всё это время Васька с Мишкой ошивались на улице. Меня же в это время поколачивал лёгкий мандраж. С одной стороны, от нетерпения вкусить запретный плод, с другой, от боязни разоблачения. Но больше всего, пожалуй, пугала неизвестность: каковы же будут ощущения от опьянения, непонятно, как поведёт себя мой пока ещё такой маленький, чистенький, не отравленный алкогольным ядом организм...

Наконец, настало время «Ч» и двухкопеечная монета, опустившаяся в приёмник телефона-автомата, нажала на какой-то там контакт, замкнув линию – телефонная будка – моя квартира.

– Всё в порядке, родичи пашут, флэт идёт порожняком, – дал я отмашку.

Через десять минут розовощёкие с мороза и возбуждённые в квартиру ввалились Мишка с Васькой. Из портфеля были извлечены отнюдь не учебники, а бутылка «Кавказа». Я метнулся на кухню за стаканами, хлебом, колбасой и сыром.

Когда янтарно-коричневая жидкость наполнила гранёные, кто-то из парней произнёс первый в нашей жизни тост. Не помню слов, но он был краток. Что-то вроде «поеха-

ли» или «ну, будем». Я держал стакан портвейна, от которого исходил отвратный сивушно-фруктовый запах незрелых плодов. Как такое пить? Меня даже оторопь взяла, а нутро передёрнуло. Смотрю, приятели уже приникли к ёмкостям и вливают в глотки пьянящую жидкость. Отступить поздно, да и перед друзьями пасовать – навлечь на себя насмешки и обидные подколки, типа, «зассало». Сейчас бы эти насмешки были мне по фигу, а тогда...

Стараясь не вдыхать вонючий запах, я сделал первый глоток. Язык ощутил отвратный вкус переспелых яблок или каких-то фруктов и, как показалось, жжёного сахара. Желудок, почувствовавший неудобоваримые ферменты, которыми его ещё пока ни разу не травили, рефлекторно сократился, пытаясь вытолкнуть наружу бяку. Но я усилием воли подавил рвотный спазм. Как же!? Я же крут! Я ж мужик! Давай терпи! Теперь друзья будут меня уважать! Я не тряпка! Я могу! Смотрите, пацаны, я теперь как и вы уже взрослые. Допив до конца свои почти полные стаканы и подавив все рвотные рефлексы, мы стали ждать появления Его Величества Кайфа.

О, господин Кайф! Каким же разным ты можешь быть. И приятным, слегка расслабляющим, и веселящим, вызывающим эйфорию возбужденности, делающим человека по-доброму, разговорчивым и открытым для откровенной беседы и общения. Но ты бываешь и по-настоящему страшным. Валящим с ног, пробуждающим в человеке агрессивность, жестокость, звериную злобу, раздражительность, гнев

и ярость. Коварный Кайф делает перебравшего гомо, так сказать, сапиенса смешным, жалким, убогим, отнимающим у него достоинство. Он даже доводит некоторых до убийства или самоубийства. При этом отключает разум, выкачивая из него начисто «тормозную» жидкость. Безжалостный Кайф, порой, в тяжёлых случаях, доведя алкоголика до белой горячки, развлекается показом тому спектаклей с участием чертей, монстров, чудовищ и всякой прочей нечестии.

Для несформировавшихся юных организмов двести с лишним граммов креплёного портвейна оказались с ног сшибающей, в прямом смысле этого слова, дозой.

Минут пять я ничего не испытывал. Потом в голове постепенно стала появляться приятная лёгкость. Окружающие предметы обретали необычную чёткость и контрастность. Сидящий в голове телеоператор, видимо, спохватившись, подкрутил трансфокатор объектива и навёл резкость. Впрочем, через пару минут резкость стала пропадать, а окружающие предметы поехали куда-то в сторону. Потом вернулись на место. И опять всё поплыло в сторону и вверх. Амплитуда и скорость перемещений стремительно возрастала. Время перестало существовать. И вот наступило ощущение как в детстве, когда после долгого, как в суфийском танце, кручения на одном месте вокруг своей оси встал и пытаешься удержать равновесие. Остановить зрением в одной точке «пляшущих человечков» – моих друзей, впрочем, сидящих, за столом, также не было никакой возможности.

О чём говорили с пацанами в тот момент? Разве вспомнишь? Наверное, обменивались впечатлениями от ощущений. Да это и не важно. Вот только, чётко запечатлелось в памяти, что через минут двадцать членораздельно выговаривать слова, а тем более предложения с первого раза стало проблематично.

Я попытался встать со стула и пересесть на диван. Мне удалось «угадать эту мелодию» только с третьей попытки. Всё кружилось, вертелось, и мчалось колесом. Шкаф, кресла, диван, телевизор, люстра вперемешку с лицами Васьки и Мишки закрутили бешеный хоровод, всё увеличивая и увеличивая темп. Трудно сказать, сколько продолжалась перед глазами эта свистопляска. В тело будто начали впитываться мелкие иголки, вызывая крупнозернистые мурашки.

А минуты текли, капали, исчезали в вечности за пьяным бессмысленным разговором. Вдруг, среди пляшущей мебели я умудрился различить ползущую в сторону туалета Мишкину фигуру. «Пьяная черепаха» – мелькнуло в голове. Через какое-то время из туалета донеслись звуки утробно-желудочных фанфар – гимн здоровой природе желудка, изгоняющего проникшего внутрь врага. В моей квартире «блевонтина поднимала паруса». Минуту спустя, видимо воодушевленный примером, приятеля, от стола отделился Васька и, подпирая падающие на него стены, стал прокладывать себе дорогу к вожаденному унитазу. Ну, вылитый матрос на палубе во время шторма.

За Васькой настала и моя очередь. Я очень старательно пытался удержать рвотный рефлекс. И потом, необходимо было выдержать паузу. Не пугать же унитаза одновременно троём. Впрочем, природа брала своё. Остатки не до конца переваренного завтрака вперемешку с «Кавказом» всё-таки допрыгнули до горла. Как раненый олень, переставляющий заплетающиеся ноги, я поскакал проложенным собутыльниками маршрутом.

Мишка, отстрелявшийся первым, уже отползал от туалета в сторону маленькой комнаты, в которой стояла кушетка. С чего бы это у человека вдруг резко обнаружилась потребность принять горизонтальное положение? Но Мишка не успел освободить узкий коридор и, стоя на четвереньках, перегораживал его. Боровшийся с качкой Василий не мог не споткнуться о живое препятствие. Орошая обои рвотной массой, «морячок» рухнул на палубу.

В каком-то невероятном антраша мне все-таки удалось перемахнуть через копошащиеся тела и прорваться в ванную комнату. Счёт шел на секунды и до унитаза было не дотянуть. Тем более, мешали друзья. В мгновение ока рука выдернула из-под ванной таз для стирки белья, и я удачно метнул харч в него, не запачкав кафель и плитку. Бинго!!!

Что было потом, помнится с трудом. Конечно же, мы расползлись по предметам мебели, позволявшим принять положение «риз». Меня мутило, желудок сокращался, но исторгать было уже нечего. Когда приподнимал веки, всё, что по-

падало в поле моего зрения, плясало в половицкой пляске. Постепенно сознание отключилось...

Когда оно вернулось, долго не мог сообразить, где я и что со мной происходит. В квартире царил сумрак, за окном в соседних домах зажигались огни. Я обвёл мутным взглядом комнату, различил на столе контуры бутылки и трех стаканов.

– А, – хрипло выдавил я из себя, – понятно... мужики, есть кто дома? (Сейчас бы я употребил уже сакраментальное: «всем выйти из сумрака»).

Как пишут в романах, молчание было ему ответом. Я встал с дивана и, потирая гудящую как пустой бидон, после удара по нему, голову, поплёся обходить дозором владенья свои. Повключав во всех комнатах свет, обнаружил лежащего ничком на диване в большой комнате Ваську. Голова бедолаги и левая рука свесились вниз, с пальцев на пол в кучку рвоты стекала какая-то слизь. Настенные часы показывали начало седьмого. До прихода родителей оставалось часа полтора. Я еле растолкал приятеля. Васька вперился в меня невидящим взглядом и видимо долго соображал, кто перед ним.

– Всё, Василий, собирайся, скоро предки придут, давайте, мужики, домой, – заплетающимся языком выговорил я.

– А Мишка где?

В ответ на это я нетвердой походкой ещё раз, уже более осознанно обошёл всю квартиру, но следов пребывания у ме-

ня третьего собутыльника, в том числе его одежды и обуви, нигде не обнаружил. Вследствие этого моему гудящему «бидону» удалось сделать гениальное умозаключение: Мишки в моей квартире нет. А если быть точнее, он ушёл либо домой, либо выветривает хмель где-нибудь на улице.

Едва выпихнув Ваську за порог и, как мне показалось, убрав основные следы преступления (не будучи уверенным, что замытые обои и ковёр высохнут до прихода родителей), я отправился на свежий воздух. Мобильными телефонами в те годы и не пахло, поэтому долго мотался по окрестным дворам, где могли коротать время, вентилируя дыхание, уже «взрослые» друзья-собутыльники. Но тщетно. Ребята, видимо, разбрелись по домам. Часа два бродил под легким, сыпавшимся с неба снежком. Морозный воздух бодрил, но я всё же замерз. Это явилось для меня весомым аргументом, для того, чтобы уговорить самого себя пойти, наконец, домой. С замиранием сердца повернул в замочной скважине ключ.

Напрасно я лелеял надежду, что родители ничего не заметят. Переступив порог, столкнулся с суровым взглядом мамы, вышедшей в коридор встречать злоумышленника. Я всё понял. Глазки мои забегали. С видом нашкодившего первоклашки стал снимать пальто и обувь. Мама, подбоченясь, многозначительно молчала. Жалкую попытку юркнуть в свою комнату она пресекла строгим вопросом:

– Может, потрудишься объяснить, что здесь произошло?

– Ко мне пришли знакомые со двора. Ты их не знаешь. Они попросили у меня посидеть, а то холодно, – начал я выкладывать заготовленную во время прогулки под луной легенду.

– Случайно у них оказалась выпивка, и они нажрались до того, что заблевали стены в коридоре и ковер в большой комнате, – продолжила мама, – а мой ангелочек, добрый и гостеприимный, постеснялся их выгнать. При этом он, естественно, отказался от предложенного плохими мальчишками вина.

– Я не понимаю, о чём ты. – Мой потупленный взор как раз говорил об обратном.

– А ну-ка дыхни.

«Всё, конец», – подумал я и выпустил слабенькую струйку воздуха в сторону матери. Этого было достаточно.

Мама не смогла сдержаться и закатила грандиозный скандал. На шум из кабинета выбежал отец. Он попытался утихомирить ее. Видимо, как мужчина понимал, что рано или поздно, ребёнок всё равно попробует запретный плод. Бедные мои мамочка и папочка! Как же вы потом намучались со мной, когда возлияния неуклонно стали учащаться, доза увеличиваться, а состояния, в которых я приходил домой (а частенько и приносили собутыльники), становились всё более непотребными. Простите меня, родные. Сколько же я доставил вам неприятностей и нанёс ударов по сердцу.

Я это понимаю только сейчас, когда вижу сына входя-

щего иногда нетрезвым домой. Это называется принятие модели поведения родителей. Кстати, мой отец, когда я был маленьким, а позже и подростком, тоже частенько являлся домой «на бровях». Что ж, яблоня от яблони... Поэтому, если не хотите, чтобы ваши дети выпивали, не подавайте им этого жуткого примера. Они всегда подсознательно копируют поведение взрослых, особенно родных и близких. Впрочем, эту прописную истину знают все, но мало кто ей следует. Почему так? Неужто мы настолько глупы? Или к моменту заведения детей вредная привычка настолько плотно укореняется в нас, что мы не в силах с ней совладать, и наивно продолжаем верить, что уж наши-то дети в этом плане не будут похожими на нас? Скорее всего, мы себя в этом заблуждении убеждаем, потому что так удобнее, поскольку силы воли бросить уже нет. Да и сила инерции...

Интересно устроен человек. Он знает, ему в детстве сказали взрослые, что огонь – горячий и, если к нему поднести руку, будет бо-бо. Ребёнок принял это к сведению. Но почему-то все равно подносит ручонку к огоньку. Да потому что информация одно, а собственный опыт – другое. Информация – объем абстрактных сведений. Опыт – осознание, и подтверждение информации в результате реальных действий, поступков и ощущений, короче, сын ошибок трудных.

«Не пейте, дети спиртное, – говорят опытные родители и взрослые, – козлятами станете». Да, принимают ребятки на веру предостережение. Тем более, что находят подтвер-

ждение этому на улице в виде валяющихся или шатающихся, а еще хуже, неадекватно и по-свински ведущих себя дядь и тётъ. И не хотят быть такими. Но видит также подрастающее поколение и нормальных людей, слегка выпивших. Весёлых, жизнерадостных, подобревших, общительных и раскрепощённых. И вот тут многие, решившие, что уж они-то будут знать норму, попадают в ловушку. Все знают, что коварство зеленого змия заключается в привыкании. И вот, глядишь, уже норма увеличивается, как и частота употребления. Опа! И осталась позади эта самая приснопамятная «норма». И уже сорвался с языка сгустком слюны аргумент верблюда на эту самую «норму». И понеслось. А на утро и не помнишь ничего. От вчерашнего, бесшабашного веселья остались лишь тремор, головная боль да жгучий стыд за сотворенное или сказанное.

А ведь говорили взрослые, что так и будет. Нет, не верил. Самому захотелось поднести ручонку к опасному источнику боли и проверить.

Гадко и противно на самом деле. Как и предупреждали. Так почему на этом большинство вроде бы нормальных людей, не дураков, способных проследивать причинно-следственные связи и делать выводы, не останавливается на первом горьком опыте? Ведь не тянет же их вновь и вновь с идиотским энтузиазмом подносить пальцы к горячей спичке, резать себя или колоть иголками (не будем брать мазохистов и психически больных). Стоп! Больных! Вот, наверное, клю-

чевое слово – БОЛЕЗНЬ!

Уколоть себя – сразу больно, дёрнешься рефлекторно, а нахрюкаться – боль физическая и душевная наступает не сразу, а потом. Ну, так это будет потом, а сейчас поднимем бокалы, содвинем их разом! Таким образом, БОЛЕЗНЬ развивается постепенно, но в один ужасный момент у многих любителей горячительного наступает точка невозврата. Причём интересно, что даже ярко выраженные алкаши, докатившись до этой самой точки, не считают себя таковыми и наивно верят, что обладают-таки силой воли бросить. Но всё! Поздно, братан! Капкан сжал свои железные челюсти. И чтобы хоть ненадолго ослабить его хватку, например, похмельную, приходится постоянно всё больше и больше «смазывать» страшный механизм алкоголем.

Ну почему я не слушал родителей? Почему оказался в толпе идиотов, идущих стройными рядами к пучине, на поверхности которой колышутся пустые, выпитые бутылки, как в одном видеоклипе? Да потому что, наверное, как многие из них, верил, что уж у кого у кого, а у меня-то есть сила воли.

Баран стадный – вот кем я оказался!

Слышится, ох, слышится в голове шепоток: «Все пьют, а ты чем хуже? Не отставай! Не будь белой вороной, не отрывайся от остальных! Будь похожим на большинство! Зачем выпячиваться? Ты же свой парень! На тебя станут показывать пальцем, если не будешь как все. Да чего там, пара

бокалов пива или две-три рюмки чего покрепче еще никому не повредили. Расслабишься только, раскрепостишься, станет чуть веселее, забудутся ненадолго проблемы!»!

Окей, наливай!

И вот уже лукавый, свесив ножки с плеча, довольно потирает руки.

Кстати, насчет баранов и стадного чувства. На память приходит интересная притча.

В одном горном селе, в школе на уроке арифметики учитель задал задачку: в долине, среди гор, рядом с ущельем паслись десять баранов. На дне ущелья текла река. Один баран захотел пить, прыгнул с обрыва и разбился. Спрашивается: сколько баранов осталось на вершине. Все дети ответили правильно – девять, и только сын пастуха сказал: «ни одного!»

– Почему ни одного? – спросил учитель. – Ты не знаешь арифметики!

– Может, я и не знаю арифметики, – ответил мальчик, – зато я слишком хорошо знаю баранов!

Ладно, хватит читать мораль. Подчас, один наглядный пример лучше многочисленных душевспасительных бесед. Поэтому я продолжу описание своего постыдного опыта, опыта барана, слишком захотевшего пить и последовавшего за стадом к обрыву над пропастью ада. Впрочем, в ходе повествования, порой, трудно удержаться от каких-то замечаний, наблюдений или комментариев по тому или иному по-

воду. Да простит меня за это читатель, не сочтя занудой.

ГЛАВА 2. ПРОДОЛЖЕНИЕ БАНКЕТА. ПЕРВЫЙ ПРИНОС

Все ребята моего и старшего возраста во дворе время от времени попивали. Присоединялся к ним иногда и я. На скопленные от выдаваемых предками на обеды деньги, время от времени покупалась бутылочка. Сам процесс вливания в себя спиртного был противен. Неприятный запах, отвратный вкус крепленых и не очень вин для начинающего водить знакомство с зелёным змеем подростка, – барьер, который он стремится не замечать и, закрыв глаза, сигает через него. А все для того, чтобы не казаться «ботаником», быть в глазах сверстников «реальным пацаном».

Участились прогулы в школе. Но пропускал уроки я аккуратно, не злоупотребляя, чтобы родителей в школу не вызвали. В специально назначаемый для этого день выпивали с приятелями с утра, чтобы к приходу родителей протрезветь и выветрить перегар. Происходило это у кого-нибудь дома. Потом стали кирять и после школы. Обычно булькали в подъезде, чтобы взрослые на улице не гоняли. Это сейчас всем всё по фигу: чего там и где тинейджеры квасят – кому какое дело? Никто, за редким исключением, даже глазом не моргнет. А в те далекие советские времена моральный облик строителя коммунизма не позволял проходить мимо мо-

рально разлагающихся подростков. Поэтому шхерились.

Буханию способствовал ещё один момент. Безделье. Нечем было заняться мальчишкам. В спортивные секции принимали не всех желающих, а только перспективных. К тому же надо было ещё и учиться хорошо, чтобы туда попасть. За каждую двойку, если и не отчисляли, то могли не допускать до тренировок, пока не исправишь. Ходить на музыку, английский или кружок по рисованию считалось среди пацанов позорным «маменькосыночеством».

Меня, правда, родители записали-таки в музыкальную школу на фортепьяно, но я безбожно прогуливал. Во-первых, предки целыми днями были на работе, и не могли за мной проследить, во-вторых, я бы итак прогуливал, поскольку ленив был до безобразия, а в-третьих, считал, что в молодости нужно нагуляться и надышаться свободой. Что я с успехом и претворял в жизнь. Мама с папой, за что им огромное спасибо, не были узурпаторами, не стали насилловать мою волю и отстали от меня с «этим долбаным пианино». (Кстати, теперь кусаю локти, что не учился этому, ведь с детства любящему музыку, мне так иногда хочется сесть за пылящийся дома инструмент...) Правда, пианино заменила гитара. Но я и на ней учился играть не в музыкальной школе, а во дворе, когда была охота и когда рядом были ребята, знающие больше аккордов, чем я.

Все в жизни когда-нибудь происходит впервые. Вот и первая потеря сознания от передоза спиртным вскоре после зна-

комства с зеленым змеем не заставила себя ждать.

Это произошло уже в восьмом классе, на дне рождения у Мишкиной сестры. Я зашёл к нему как-то вечером после редкого посещения музыкальной школы. Выйдя из лифта, я остановился в задумчивости у двери товарища, из-за которой доносились звуки веселья и громкая музыка.

– Тут сестра день рождения с друзьями отмечает! – запахнув дверь, встретил меня Мишка. – Но ты всё равно проходи, в моей комнате посидим. Предки свинтили. Вся квартира отдана под праздник.

Я почувствовал, что от него уже пахло винишком.

Отсидеться в Мишкиной комнате не удалось. Естественно, последовало приглашение к столу. Студенческая братва уже слегка залила глаза. Гулянка набирала обороты. Ни у кого даже не возникли вопросы, когда для поднятия очередного тоста кто-то плеснул нам с Мишкой в бокалы сухенького.

За столом много шутили, смеялись, громко разговаривали, пытаюсь перекричать хриплый голос Высоцкого, вырывающийся из динамиков «Юпитера». Тосты следовали один за другим. И неизменно в наших бокалах оказывалась очередная доза то сухенького, то креплененького.

Пели под гитару, танцевали, слонялись из комнаты в комнату, курили на кухне, где мужики догонялись водочкой. Под шумок, в разных комнатах, пока на нас особо не обращали внимания, припадали к рюмкам и мы.

НАМЕШАЛИ.

Я «поплыл» и через определенное время, мертвецки пьяный, завалился, как мне рассказал Мишка, в спальню комнате родителей на кровать. Студенты решили меня не тормозить и дать немного выспаться. Но когда пришло время освобождать помещение, началось самое интересное.

На следующее утро (благо борьба с тяжелейшим бодуном пришлась на воскресенье и не надо было идти в школу) мои родители рассказали о выдающемся появлении на пороге родной квартиры любимого сына. А на следующий день Мишка с Ленкой поведали мне о моем триумфальном возвращении домой.

Ленкины друзья тщетно пытались растолкать меня и привести в чувство. Холодная вода из под крана на голову не годилась, – на улице стояли приличные морозы, и я мог серьёзно простудиться. Нашатырный спирт, подносимый к носу, заставлял лишь дергаться голову, которая через секунду свешивалась на грудь. Я вновь заваливался на кровать. Наконец, Ленкиным друзьям это надоело. Кто-то накинул на меня куртку, кто-то нахлобучил ушанку, натянул на ноги чужие ботинки. Ленка едва выдавила из также вырубившегося Мишки мой адрес. Два парня подхватили мою тушку под руки и вынесли из дома. Троица представляла собой классический вариант: двое не твёрдо стоящих на ногах собутыльников, между ними повисший на их плечах третий в дрезину надравшийся сотоварищ. Для полной картины не хватало гармошки и выкриков слов из популярных застольных песен.

Ноги мои на протяжении пути то влачили за обмякшим телом, то пытались поймать точку опоры. Благо мой и Мишкин дома стояли, да и сейчас стоят, недалеко друг от друга, и ребятам пришлось волочь брненное тело не очень долго.

Дальше мне рассказали уже предки (слово «предки» в отношении родителей я всегда употреблял любя, без малейшей доли пренебрежения).

Раздается звонок в дверь. На пороге стоят два прилично подданных юноши и держат какого-то мертвецки пьяного парня. Его опущенная голова, будто привязанная к плечам толстой веревкой-шеей, футбольным мячом катается по груди.

– Ребята, вам кого? Вы, наверное, ошиблись.

– Посмотрите, это ваш сын? – один из парней за волосы поднимает с груди «футбольный мяч».

– О, Господи!!! – вырывается у матери. – Не может быть. Позор какой!

– Несите сюда, в комнату, осторожно, на тахту кладите, – тихо, севшим голосом, произносит отец. – Где вы его подобрали?

– Слава Богу, не подобрали, он у нас был, на дне рождения. Сам вам завтра всё расскажет, мы пошли.

Как только за парнями закрылась дверь, тело на кушетке конвульсивными движениями и невнятным звуками подаёт признаки жизни. Рвотный фонтан летит из ротового отверстия. Отец бежит в ванную комнату за тазом.

Вторая порция содержимого желудка гремит уже по дну

и стенкам тазика. Мальчику плохо. Его выворачивает. Рвать уже нечем. Из рта капает желчь.

Мама разводит в стакане воды соду. Папа вливает содержимое в рот сыну. Сын через минуту изрыгает его из себя. Потом ещё один стакан и ещё. Желудок очищается. Процедуру завершает стакан молока с мёдом. Пьяное чадо засыпает до утра.

Пробуждение было ужасным. Состояние примерно такое же, как у Стёпы Лиходеева в «Мастере и Маргарите». Если бы ему сказали: либо откроешь глаза, либо мы тебя расстреляем, он бы махнул рукой и ответил: – стреляйте. Или как там в песне: «мерещатся малиновые хари, во рту сушняк – пустыня Калахари». Или вот еще одна ассоциация: «с похмелья трещит голова как бидон, в котором варили чертям самогон».

Я свесил голову с кровати. Мой взгляд упёрся в тазик, услужливо ждущий очередной порции того, что ползет из утробы. «Откуда это? Зачем?» И тут смутные догадки стали просачиваться в воспалённый винными парами мозга. «Нажрался», – сопоставил я свое состояние с тазиком. «Как? Где? Почему ничего не помню..? Нет, вспомнил. День рождения у Мишкиной сестры. Пили. Потом не помню. О, Господи! Сейчас придётся предстать перед светлы очи родителей». Я готов был провалиться сквозь землю от стыда.

Уже не помню слов, какими меня распекали предки, но жгучий огонь позора буквально сжигал меня в тот мо-

мент. Не помню также и выражения, которые употреблял отец, но никогда не забуду глубочайшей боли и тревоги в глазах родителей за моё будущее из-за наметившейся тяги к спиртному. Не забуду слезы матери, градом катившейся по щекам, её срывающийся в плач голос. Простите меня, мои родные! Меня и сейчас иногда охватывает оторопь, при воспоминаниях о моих некоторых пьяных безобразиях. Ужас вызывает мурашки, когда я представляю, что терпели мои родители на протяжении не одного десятка лет. Я ещё много раз буду извиняться в своем повествовании перед всеми, кто морально и даже физически (было и такое) пострадал от моего пьянства.

После того случая первой доставки меня домой, я долго не припадал к бутылке. Стыд за то моё неменяемое состояние довольно значительное время жёг душу. Правда, потом он всё же притупился. В восьмом классе я практически не выпивал. Даже пытался учиться получше. Это объяснялось во многом тем, что в нашей школе из двух восьмых классов создавали только один девятый. Естественно туда хотели отобрать самых достойных. Дальнейшая судьба остальных детей учительский коллектив мало интересовала. Мол, да идите вы куда хотите. Хоть в ПТУ, хоть в техникум, хоть на завод. Вам не место среди отличников и хорошистов.

Звание пэтэушника или ученика техникума в то время звучало почти как гопник. Мама с папой, люди с высшим образованием (а отец так вообще кандидат наук) с пэтэушным

началом жизненного пути своего ребёнка мириться не желали. Я, естественно, тоже. Но наши желания как-то не совпадали с мнением учителей, повесивших на меня ярлык хулигана.

Признаться, с поведением в школе у меня всегда наблюдался напряг. Двоечником не был, учился средненько, хотя хватал, конечно, «бананы», но умеренно. А вот дисциплина на уроках и особенно на переменах была... Да ее, практически, не было. На уроках я постоянно вертелся за партой, разговаривал с соседями, плевался из трубки бумажными шариками в одноклассников, пускал самолётики, играл в морской бой и даже дрался учебниками с парнями прямо на уроке. В той или иной степени это делали почти все мальчишки в классе, но попадался почему то чаще всего я. Иногда меня просто подставляли. В основном не умышленно, разумеется.

Короче говоря, я решил исправиться и, чтобы не расстраивать родителей, взялся за ум. Тем временем наступила третья четверть восьмого класса. Увы, за несколько месяцев изменить имидж «оторвы», который я невольно создавал в предыдущие школьные годы, оказалось мне не под силу. Хоть учёбу я и подтянул, но неумный и непоседливый характер прорывался наружу, опрокидывая утверждения некоторых учителей, что я исправился и взялся за ум.

В итоге отсеивающее сито педсовета, который возглавляла мой непримиримый враг – химичка и по совместительству завуч Анна Романовна, по прозвищу Ромашка, остави-

ло на мелкаячеистой сетке всю некондицию, способную сделать прокисшим сладкий учительский сироп из любимчиков и перспективных. Застрял в сите и ваш покорный слуга. Ну как же, престиж школы в то время определялся количеством поступивших выпускников в советские ВУЗы с первого раза после десятого класса. В социалистическом соревновании школы пыжились набрать очки. Вот и рассматривали через очко каждого ученика, как потенциально положительного, так и отрицательного. Естественно, администрации нашей школы не хотелось портить «отбросами» показатели.

Но, как я уже отметил, мы с родителями не собирались сдаваться.

Мама съездила в ГОРОНО и узнала, что в нашем районе есть школа, где работает новый директор, оказавшийся порядочным мужиком и которому было важней дать полное среднее образование всем желающим, нежели надувать щёки на ярмарке тщеславия среди своих коллег. Вот эту школу я и заканчивал.

После того, как начались занятия в девятом классе, а пэт-эушная угроза спрятала свою слесарно-сверлильно-токарно-пекарную лапу, занесенную над моей непутёвой головой, началась довольно вольготная жизнь. Признаться, в девятом классе я практически не учился. То есть, ходить в школу, я ходил, но домашние задания делал за редким исключением. Приходил домой, наспех ел приготовленный для меня мамой со вчерашнего вечера обед, менял в портфеле учеб-

ники для завтрашних уроков и уматывал до вечера гулять. Относительно бесконтрольная жизнь и безделье играли свою роль. Опять начались бутылочные упражнения с приятелями. Старался пить так и столько, чтобы не засекали. Чаще это удавалось. Но когда случались провалы, дома возникали скандалы, слёзы матери и нравоучительные беседы с отцом. На частоту потребления также влияли многочисленные дни рождения друзей, приятелей и одноклассников. Новый класс оказался нормальным. Мы все быстро сдружились. Часто собирались на праздники и дни рождения вместе. Или на природе или у кого-нибудь дома. Конечно, без возлияний редко обходилось. Постепенно стали баловаться водочкой. Как поётся в старой песне, «а я все дозы увеличивал, я пил простую и „Столичную“, и в дни обычные и в праздники вином я жизнь свою губил!» Вообще-то, по моим меркам, я не так уж и частил. Были у нас в классе и среди знакомых в округе ребята, которые «закладывали» похлеще, чем я. По сравнению с ними считал себя пай-мальчиком. Ни о какой алкогольной зависимости тогда и речи не могло быть. Слишком маленький стаж. Вторая половина десятого класса прошла под лозунгом трезвости, – надо было готовиться к выпускным экзаменам и в институт. А вот первые две четверти пьянки-гулянки шли почти сплошной чередой. Частенько собирались у меня на квартире. Мои родители были замечательные, Царство им Небесное! Понимали, что молодёжи лучше оттягиваться дома, чем шарить по подъездам или, того, ху-

же, по улицам под угрозой приводов в милицию за распитие в общественных местах. Родители часто уходили гулять или в кино, предоставляя квартиру для вечеринок. За это я им очень благодарен. За демократичность мышления и понимание подростков, которым важнее была даже не выпивка как таковая, а возможность собраться вместе, пообщаться, попеть под гитару, потанцевать, наконец. Конечно же, квартира, мебель и посуда несли после нашествия друзей и подруг некоторые потери. То случайно тарелки и бокалы немного побьют, то сервант поцарапают, то скатерть изгадят или, не дай Бог, ковер прожгут. Жили мы в советские времена, в эпоху тотального дефицита, не очень богато, поэтому такой материальный ущерб, считающийся, по большому счёту, сегодня мелочью, тогда таковой не казался.

Скидывались, закупались, вместе готовили еду. Набивалось в малогабаритную сорокадевятиметровую квартиру человек пятнадцать-двадцать. Через полчаса-час в помещении уже стоял шум, гвалт, толкотня, сутолока и неразбериха. Коллектив распадался на группки и подгруппки, которые время от времени перетекали из комнаты в комнату и вливались в итоге в общий круг дергающихся в танце одноклассников. Музыка ревела обычно на весь подъезд. Кто-то уходил, кто-то приходил, кто-то блевал, кто-то играл на гитаре, кто-то рассказывал на кухне, где в воздухе можно было уже топор вешать, анекдоты, кто-то целовался в ванной. Словом, все это напоминало броуновское движение. Такие сборища

мы называли почему-то «сейшенами».

После каждого такого «сейшена» родители подытоживали ущерб и всякий раз обещали, что раз гости не умеют себя прилично вести, то больше никаких гулянок в квартире не будет. Но проходило время, предки мои дорогие оттаивали, и я перед очередным приближающимся праздником вновь просил их проявить понимание. Не каждая моя прихоть удовлетворялась, но чаще родители всё же шли навстречу. И вот когда за ними захлопывалась дверь, под вызванное сим фактом радостное гиканье и улюлюканье, «город опять отдавался победителям на разграбление».

Однажды произошёл курьезный случай. После очередного обещания следить за гостями и пресекать любое проявление неуважения к нажитому непосильным трудом имуществу (зря я, наверное, ёрничаю, родители действительно много вкалывали, чтобы что-то достать и купить) я во время одной из вечеринок, помню, не ленился делать замечания и предупреждения каждому при любом его неосторожном телодвижении.

Пока всё шло нормально.

Но вот стол сдвинут, и засидевшиеся молодые организмы, прилично подогретые алкоголем, пустились в пляс, сотрясая пол на радость соседям снизу. Люстра в большой комнате, которая превратилась в дискотечный данс-пол, свисала с потолка довольно низко. Вскидываемые вверх руки танцующих постоянно задевали её плафоны. Каждое касание

звякающих друг о друга светильников сопровождалось моими восклицаниями: «Осторожно, люстра! Внимание люстра! Берегите люстру!»

И вот в разгар очередного быстрого танца я сам не заметил, как оказался под светильником. Отвлёкся. Воздел в танцевальном экстазе руки горе и саданул по одному из плафонов. На голову посыпались осколки стекла. Кто-то из девочек взвизгнул, народ шарахнулся в стороны. Моя рука нащупала на голове что-то мокрое и липкое. Кровь. Я объяснил девчонкам, где искать перекись, вату и бинт. Кое-как сделали перевязку. Часы показывали без чего-то полночь. Скоро должны были возвращаться родители. Тут я вспомнил, что на антресолях есть запасной плафон. Это выход! Заменить! Родители вряд ли сразу заметят. А когда заметят... Так это потом. Реакция уже не будет жёсткой.

Подставил к антресолям стул и, нетвердо стоя на ногах, взгромоздился на него. Плафон находился глубоко в недрах подпотолочной конструкции, располагаемой строителями в советские времена обычно в коридоре. Пришлось выгребать оттуда всякие коробки и прочую утварь, преграждающую доступ к вожделенному плафону. Но он, зараза, был далеко. Ребята подсадили меня, и я втянулся почти во весь рост внутрь антресолей. Наконец, руки ухватили нужную коробку, но назад пятиться оказалось невозможным. Пьяные друзья также не могли ничего поделать, так как стоять на шатких стульях и тянуть на себя 70 килограммов живого

дергающегося тела оказалось весьма несподручно. В этот момент открывается входная дверь, предоставляя взорам предков картину маслом: в квартире стоит дым коромыслом, ревет музыка, хохот, шум, гам, коридор заставлен коробками. На стульях стоят два парня и тянут кого-то за ноги из антресолей. Завидев взрослых хозяев жилища, ребята тут же бросили бесполезное занятие.

– Кто там? – Отец испепеляющим взглядом прожёт парней.

– Лёха, – потупились друзья.

– Какой Лёха? – не поняла мать. И тут смутная догадка вытянула лица переглянувшихся родителей.

– И что он там делает?

Тем временем я, не видя и не слыша, что пришли мама с папой, ругался и нецензурно поливал своих товарищей, прекративших тягловые усилия.

– Ну-ка помогите мне. – Отец принёс из комнаты третий стул. Общими усилиями меня вскоре вытащили на свет Божий. Грязный от пыли, с перевязанной головой, с плафоном в руках и еле вяжущий лыко сын предстал пред родителями во всей красе.

Больше всего их расстроил не разбитый плафон, а разбитая голова, виной чему стало очередное злоупотребление горячительным. Разговор об этом занял всё следующее утро. Стоило бы, наверное, предкам всыпать мне по первое число и поподчивать ремнём. Но мама с папой были продвинутыми

и считали, что это не педагогично и ничего не даст, а только отдалит сына от них. В шестнадцать лет физическое воздействие бесполезно, раньше надо было. Но раньше я не пил, был послушным (по крайней мере, дома) мальчиком и особого повода для «жестокости обращения с детьми» не давал. Один раз, правда, когда я ещё ходил в детский сад, отец выпорол меня ремешком за то, что я украл у одного мальчика в группе пистолетик, а папе сказал, что нашёл на улице. Факт кражи и моя ложь выяснились на следующий день. Спасибо, папа, что вместо интеллигентских и слюнтяйских «ай-яй-яй» и «как нехорошо» ты всыпал мне как следует. Это было такое яркое впечатление, когда я увидел своего доброго, заботливого, всегда мягкого со мной отца таким разъярённым, что мне стало очень страшно. С тех пор я не только не мог допустить мысли о присвоении чужого, но и косо посмотреть на кем-то потерянную или оставленную вещь. Даже на бесхозно валяющийся на улице кошелёк, хотя в тот момент, может быть, и нуждался в деньгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.